

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

С.В. РАСТОРГУЕВ*

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГИБРИДОЛОГИИ: ПАТРОНАЛЬНАЯ АВТОКРАТИЯ В ФОКУСЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (РЕЦЕНЗИЯ)¹

Рецензия на монографию:

Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура / пер. с англ. Ю. Игнатьевой; под ред. А. Решетникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – Т. 1. – 744 с.; Т. 2. – 888 с.

Для цитирования: Растворгуве С.В. Переосмысление гибридологии: патрональная автократия в фокусе политологического анализа (Рецензия) // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 338–352. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.15>

Авторы книги – стипендиаты Научно-исследовательского экономического института в Будапеште, а также Центрально-

* Растворгуве Сергій Вікторович, доктор політических наук, доцент, професор Департамента політології факультета соціальних наук і масових комунікацій, Фінансовий університет при Правительстві РФ (Москва, Росія), e-mail: srastorguev@fa.ru

¹Стаття подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета

© Растворгуве С.В., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.01.15

Европейского университета – вуза, созданного на деньги Дж. Сороса. ЦЕУ специализируется прежде всего на изучении социальных и гуманитарных наук, располагает значительными библиотечными и архивными фондами, в частности – коллекциями документов об истории посткоммунистических стран. Балинт Мадьяр является не только исследователем посткоммунистических режимов с докторской степенью по политической экономии, но и известным политиком – партийным деятелем, депутатом парламента (1990–2010) и министром образования Венгрии (1996–1998; 2002–2006). Балинт Мадлович на 41 год моложе своего коллеги, он имеет степень магистра политологии и работает в должности младшего научного сотрудника Института демократии ЦЕУ.

Весьма примечательны форматы структурирования и продвижения книги. С одной стороны, работа «Посткоммунистические режимы: концептуальная структура» является фундированной монографией, посвященной теоретическому осмыслиению современного состояния гибридологии – она пришла на смену транзитологии по мере понимания того, что не существует линейного и неизбежного процесса перехода к западному варианту демократии. В качестве концептуальных образцов для теоретизирования сами авторы указали работы М. Вебера, Я. Корнаи, Г. Хейла [Weber, 2016; Kornai, 2000; Hale, 2015]. Примеры наиболее подробно разобранных венгерских кейсов заимствованы из предыдущих работ авторов. Также широко используются коллективные работы ЦЕУ «Двадцать пять аспектов посткоммунистического мафиозного государства» и «Жесткие структуры: переосмыслия посткоммунистические режимы» [Magyar, 2019].

С другой стороны, монография претендует и на статус учебного пособия. На трехъязычном сайте книги¹ (английский, русский, венгерский) представлена полная версия на английском языке, учебные материалы в форме презентаций по основным разделам (на трех языках), 3-D модель «Траектория посткоммунистических режимов» для учебных занятий, словарь и навигатор на 700 терминов, отклики на работы авторов, материалы с видеохостинга YouTube. Практически на каждой странице жирным шрифтом выделяются ключевые слова, имеется много схем и таблиц.

¹ Посткоммунистические режимы. – Режим доступа: <https://www.postcommunistregimes.com> (дата посещения: 10.10.2022).

Оригинальная работа на английском языке, вышедшая в издательстве *CEU Press* (Будапешт, Нью-Йорк) в 2020 г., содержит 840 страниц, русский перевод Ю. Игнатьева (2022) в двух томах занимает 1632 с. (здесь крупнее шрифт для улучшения восприятия текста, что свойственно учебной литературе).

В первой главе «Жесткие структуры» авторы опираются на разработанную ранее концепцию Б. Мадьяра, представленную в одноименной монографии. Ее суть заключается в следующем. Вслед за К. Оффе общество делится на три сферы – политическую, рыночную и общинную, каждая из которых имеет свой критерий качества – легальность, прибыльность, общие ценности и мораль, а также своих акторов и свои институты [Offe, 2000]. В идеальном типе сферы автономны (либеральная демократия), но акторы определенной сферы могут осуществлять экспансию в другие сферы, неформальным образом внедряясь и контролируя их формальные институты (гибридные режимы). Режим в терминологии Д. Норта определяется как набор основных формальных и неформальных правил игры, структурирующих поведение акторов. Если в стране существовала докоммунистическая традиция относительной автономии трех сфер («эффект колеи»), то при реформировании ей проще приблизиться к западной модели, и наоборот. Царская Россия вслед за Дж. Хоскингом и В. Шляпентохом характеризуется как феодальное общество незападного типа с доминированием неформальных личных отношений [Hosking, 2000; Shlapentokh, Woods, 2007]. Симбиоз политики и рынка приводит к образованию хорошо известного российским исследователям феномену « власть-собственность»; в понимании этого концепта авторы используют материал А. Рябова в монографии «Жесткие структуры», отсылающий к работам И. Бережного и В. Вольчика [Бережной, Вольчик, 2008; Ryabov, 2019].

Вслед за Я. Корнаи основой коммунистического режима признается феномен «партия-государство», который обусловил доминирование государственной собственности и формирование номенклатуры. Важность неформальных связей в советской номенклатуре отсылает к работам профессора Университетского колледжа Лондона А. Леденевой. Она написала предисловие не только к русскому, но и английскому изданию рецензируемой монографии; на восемь работ А. Леденевой дается около 50 ссылок, что свидетельствует о значимости концепций данного автора в по-

нимании исследуемого предмета. Для сравнения наиболее цитируемые авторами являются Г. Хейл (104 ссылки на шесть работ), Я. Корнаи (72 ссылки на 14 работ), а на долю таких авторитетов как М. Вебер приходится лишь 33 ссылки на четыре работы, Д. Норт – 25 ссылок на четыре работы.

После крушения коммунизма в ряде стран сохранились или сложились заново неформальные патрональные сети, поддерживающие отношения «власть-собственность» с неформально институционализированной коррупцией. Президентская республика, сильная традиция патронализма и слабое влияние стран Запада способствовали формированию однопирамидальной доминирующей сети, а парламентская республика, относительно невысокий уровень патронализма и сильное влияние стран Запада сформировали конкурирующие сети.

В завершении первой главы авторы расширяют классификацию трех идеальных типов Я. Корнаи (демократии, автократии, диктатуры) за счет критерия уровня патернализма до шести идеальных типов: либеральная демократия (Эстония, Чехия), патрональная демократия (Украина, Молдова), консервативная автократия (Польша), патрональная автократия (Россия, Венгрия), коммунистическая диктатура (Северная Корея), диктатура с использованием рынка (Китай).

В главе «Государство» производится классификация института государства в трех политических режимах, которая базируется на идеях Д. Норта и Г. Хейла. *Либеральные демократии* основаны на конкуренции элит, непатрональных сетях, формальных институтах, приоритете общественных интересов; тип государства – конституционное. *Патрональные автократии* характеризуются неформальной патрональной сетью, приоритетом интересов элит, доминированием одной сети и неформальных институтов; для типа государства используются разнообразные синонимы – мафийное / клановое / неопатrimonиальное / хищническое. *Коммунистическая диктатура* основана на бюрократической патрональной сети номенклатуры, формальных институтах, приоритете идеологии; тип государства – партия-государство. Российский кейс доминирующей патрональной сети представлен на основе работ американского экономиста С. Маркуса и российско-американского экономиста К. Сонина [Markus, 2017; Lamberova, Sonin, 2018]. Максимизация интересов элит предполагает систем-

ную коррупцию, корпоративное рейдерство, модель «грабящей руки» – для либеральной демократии эти явления, по мнению авторов, не представляются значимыми.

В третьей главе «Акторы» дается сравнительная характеристика субъектов политико-экономических процессов в трех режимах. Наибольший интерес представляют характеристики акторов патрональных автократий. Распоряжающийся верховный патрон находится в окружении двора из приемной политической семьи [Judah, 2014; Kryshtanovskaya, White, 2005]. Авторы доказывают, что приемная политическая семья не является классом в понимании М. Вебера и К. Маркса, а также номенклатурой в понимании классика М. Восленского и политолога ВШЭ Н. Петрова [Petrov, 2019]. Авторы вводят термин «полигарх» для обозначения высокопоставленного политика, который за счет доступа к власти приобретает значительные экономические ресурсы. Наряду с полигархами выделяются политические подставные лица, полностью зависимые от патрона клиенты. В интересах приемной политической сети действует «рука патрона», который описывается неформальным термином «smotryashchiy» (описывая механизм покровительства и защиты в приемной политической семье, авторы используют термин «*krysha*»), ниже в иерархии стоят патрональные служащие, ориентированные не на организацию, а на прямого начальника. По принципу лояльности формируется партия патрона, которая не обладает реальными полномочиями и выполняет функцию «приводного ремня» (*Transmission-belt party*). Авторы представляют детальную классификацию оппозиционных партий с «говорящими» категориями: маргинализованная, приученная, абсорбированная, фейковая. В качестве примеров приводятся партии России и Венгрии как двух представителей патрональной автократии.

В качестве основных экономических акторов выделяются олигархи (основатели патрональной сети или принятые в семью), имеющие политическое влияние благодаря владению экономическими активами и членству в патрональной сети, бенефициары приватизации и государственных контрактов. Внесетевые олигархи попадают в категории покорившихся, попутчиков, конкурентов, ренегатов, устранных. На основе концепции А. Хиршмана «голос–выход–верность» в трудах С. Маркуса и экономиста НИУ ВШЭ А. Яковлева приводится набор стратегий российских оли-

гархов [Markus, 2017; Yakovlev, 2006]. Вместо граждан в патрональных автократиях, по мнению авторов книги, действуют клиенты, опасающиеся пользоваться формально предоставленными правами. Среди НКО наиболее влиятельными являются «организованные государством НеГосударственные организации» (GONGO) [Naim, 2009]. В целом в патрональных автократиях большая часть политического поля монополизирована патрональной сетью, а относительную автономию сохраняют отдельные элементы экономического, культурного, информационного полей и несистемная оппозиция. Российские кейсы взяты из работ А. Леденевой [Ledeneva, 2013].

В обзоре главы «Политика» также целесообразно сконцентрироваться на характеристиках патрональной автократии. Политическая элита такого режима, в отличие от либеральной демократии, активно использует популизм, критика которого приравнивается к критике народа и нации – при этом популизм является не идеологией, а инструментом легитимации. Российский опыт представлен работами профессора ВШЭ Б. Макаренко и программной статьей В. Суркова «Долгое государство Путина» [Макаренко, 2017].

Основываясь на классификации четырех прав СМИ М. Харости (право знать, говорить, выбирать, взаимодействовать онлайн), на работах профессора МГУ Е. Вартановой и журналиста Б. Джуды доказывается, что режимы России и Венгрии «нейтрализовали права СМИ» [Vartanova, 2011; Judah, 2014]. Лоббизм в либеральной демократии связан с группой интересов и направлен на законодательную деятельность, лоббизм в патрональной автократии связан с патрональной сетью (ее авторы не считают группой интересов) и направлен на членов двора патрона.

Авторы солидаризируются с Г. Хейлом, который выделил функции манипулируемых выборов в автократиях – плебисцит как выражение лояльности, легитимация формальных политических позиций в патрональной сети, стабилизация режима, легитимация режима в целом. Патрональная политика нацелена на личное обогащение элит, публичная политика ориентируется на общественные интересы в форме определенной идеологии, но без монополизации власти, а силовая (коммунистическая) политика предполагает реализацию идеологии с помощью монопольной власти партии-государства.

Приводится типология дискреционного правотворчества и выборочного правоприменения в зависимости от лояльности акторов патрональной сети. Авторы вводят дефиницию «равенство после закона», оно означает равное правоприменение. Оно свойственно только демократиям, в автократиях и диктатурах практикуется «неравенство после закона». Играя словами, авторы обыгрывают выражение «власть закона» и «закон власти».

Компромат на политических оппонентов присутствует в каждом режиме, но в автократиях он концентрируется в руках патрона, который может не только собирать, но и создавать компромат – оппозиционеры формально наказываются не за публичную деятельность, а по уголовным статьям. Авторы также утверждают, что патрон собирает компромат на своих клиентов для контроля их поведения. Анализируя функции институтов государственного принуждения в демократиях и автократиях (белое, серое, черное принуждение в зависимости от легальности), авторы полностью отказывают правоохранителям, спецслужбам, налоговым органам автократий в выполнении общественно полезных функций, что вряд ли доказуемо эмпирически.

Феномен цветных революций авторы связывают с противостоянием двух типов патрональных режимов: мультипирамидальной патрональной демократии и монопирамидальной патрональной автократии. Когда первый подтип режима сталкивается с угрозой второго, то незaintересованные акторы организовывают протесты (Украина, Кыргызстан, Грузия, Армения). В устойчивых патрональных автократиях, представленных Россией, Беларусью и Азербайджаном, попытки установить патрональную демократию потерпели неудачу. Важными ресурсами патрональных автократий определены единство ветвей власти и неразвитость гражданского общества. Обращаясь к упомянутой концепции А. Хиршмана, в патрональных автократиях потенциальный голос конвертируется в принудительную лояльность. Отсылая к работе Т. Шеллинга по теории игр в части стратегии приверженности (обязательства), авторы показывают, что верховный патрон может показать оппонентам и клиентам готовность идти на крайние меры в ущерб себе [Schelling, 2007]. Вера в способность верховного патрона реально наказать за нелояльность укрепляет режим, с ослаблением веры патрональная сеть начинает распадаться. В патрональной автократии неизбежна проблема преемника, провоцирующая конфликт

внутри сети и рассматриваемая как окно возможностей для трансформации в патрональную демократию. Однако приведенные кейсы Азербайджана, Казахстана, Узбекистана вряд ли подтверждают использование окна возможностей.

В главе «Экономика» авторы предлагают свою модель реляционной (неформальной) экономики для посткоммунистических стран, которая ставит под сомнение роль государства как регулятора «провалов рынка» и обладает, по мнению авторов, большей объясняющей силой, чем поведенческие и институциональные модели. Авторская модель, основанная в частности на концепции политического капитализма Р. Холкомба, презентуется как политический анализ экономических процессов, что отличает ее от теории общественного выбора, предлагающей экономический анализ политики [Holcombe, 2018].

В отличие от добровольного горизонтального сотрудничества экономической и политической элиты в модели политического капитализма, в реляционной экономике преобладают вертикальные и принудительные отношения под руководством политической элиты (патрональной сети), происходит формирование «криминально-государственной модели». Завышение цен при госзакупках рассматривается как один из механизмов реляционной модели, наряду с изъятием активов у не вошедших в патрональную сеть (или провинившихся) предпринимателей, получением монопольной ренты. Экспансия патрональной сети в экономику создает широкий круг стейкхолдеров, заинтересованных в сохранении режима, в то время как контрольные механизмы работают только против не включенных в сеть акторов.

Происходит процесс патронализации собственности, когда сеть неформально присваивает часть «эндогенных имущественных прав», в терминологии Э. Шлэгер – Э. Остром, на формально частную собственность, перераспределение принимает форму рейдерства. Российские практики корпоративного рейдерства заимствованы из работ экономиста Стокгольмского университета И. Викторова, исследователя Европейского университета в Петербурге В. Волкова, исследователя университета Боулинг Грин (Огайо) Л. Черных [Viktorov, 2019; Volkov, 2002; Chernykh, 2011]. Немаловажно замечание авторов о том, что конечным собственником всего имущества страны является верховный патрон, а узнать, кто был реальным собственником актива, можно только после смерти владельца по разделении наследства.

С опорой на теорию хищничества государства экономиста парижского университета М. Вахаби приводятся стадии «охоты» на активы бизнесменов, а на основе данных С. Маркуса определяется дисконт принудительно выкупаемых активов в 80–90% [Vahabi, 2015; Markus, 2015]. Авторы указывают признаки подставных и трофейных компаний: быстрый рост, синхронизация не с экономическими, а политическими циклами, перекладывание исполнения выигранных тендеров на субподрядчиков, размер прибыли и дивидендов выше среднеотраслевых. Представляется интересным провести анализ компаний по указанным параметрам. Значительная доля теневого сектора России объясняется адаптивной стратегией фирм к хищническому государству – на основе работ Г. Явлинского и А. Леденевой [Ledeneva, 2006; Yavlinsky, 2013].

В главе «Общество» анализируются общественные сети и идеология в трех политических режимах. Авторы выдвигают спорное суждение, что при трансформации посткоммунистических режимов в патрональную автократию менялись прежде всего элиты, а не граждане. Приводимые самими авторами данные о составе новых элит показывают значительную преемственность с коммунистическими режимами, при том, что в обществе происходили революционные статусные перемены. Вслед за Д. Нортом констатируется факт, что в порядке ограниченного доступа подъем по социальной лестнице принимает форму дискреционного подарка патрональной сети.

Патрональная автократия не препятствует эмиграции не встроенных в сеть активистов, так как это снижает конфликтность внутри системы. Граждане патрональных автократий названы клиентами, зависимыми от ресурсов правящей элиты и испытывающими экзистенциальную угрозу лишиться точки доступа к ресурсам. Неравенство объясняется не рыночным распределением доходов, а занимаемым местом в монопирамиде патрональной сети и величиной предоставляемых патроном ресурсов, что отсылает к не упоминаемой в данной книге теории О.Э. Бессоновой «сдача-раздача» [Бессонова, 2015]. Данные по российским кейсам патрон-клиентских отношений с бюджетниками и бизнесом взяты из работы сотрудника германского *think tank* Фонда науки и политики Д. Минзарари [Minzarari, 2019].

Средний класс осмысливается в феодальных терминах «служилого дворянства» (интеллектуалы), идентифицирующего

себя с режимом вследствие получения материальных выгод, и «придворных поставщиков» (бизнесмены, сотрудники государственных холдингов). Высокопоставленные клиенты представлены олигархами и «лояльной бюрократической олигархией», по терминологии А. Политковской [Politkovskaya, 2009]. Массовую поддержку патрональной автократии авторы объясняют, исходя из концепции защиты от экзистенциальной тревоги П. Тиллиха и онтологической безопасности Э. Гидденса [Weems, 2004; Giddens, 1991]. Стабильность патрональной автократии поддерживается угрозами ненасильственного характера и популистской идеологией.

Вслед за евразийским мыслителем А. Дугиным авторы выделили три сообщества, дающие сильную идентичность, которые используют популисты – конфессиональное, этническое, семейное [Дугин, 2012]. При этом ценности и идентичности получают новую интерпретацию, в сообщества включаются только лояльные элементы, а оппозиционерам отказано в праве находиться в группе «Мы»; нация приравнивается к приемной политической семье со всеми ее клиентами.

В седьмой главе «Режимы» авторы дают определение и графическое изображение шести режимов на основе следующих переменных: патрональность управления, формальность институтов, функции правящей партии, доминирующий экономический механизм, коррупция, идеология, ограниченность власти, множественность сетей власти, автономия гражданского общества. Представлена авторская концепция траектории трансформации посткоммунистических режимов с конкретными схемами для каждой страны. Например, для России выведена следующая траектория: коммунистическая диктатура (1964–1985) – патрональная демократия (1991–1995, 1996–2003) – патрональная автократия (2004 – по настоящее время).

Авторы справедливо разделяют понятия режима и страны – последнее включает особенности культуры, истории, географии, наличие природных ресурсов. Предметом отдельного анализа стали такие характеристики страны, как этнические противоречия, глубинное государство и спецслужбы, размер страны; дается характеристика современным геополитическим союзам. При описании взаимоотношений России с соседями авторы используют концепцию трех стратегий, разработанную П. Катценштейном и Н. Вейгантом (на тот момент научными сотрудниками Принстон-

ского университета): экспорт автократии, военное вмешательство, газпромовская дипломатия [Katzenstein, Weygandt, 2017]. Авторы указывают, что в рамках ЕАЭС объединены относительно гомогенные режимы: патрональные автократии и патрональные демократии (Армения, Киргизстан); членство в международной организации создает эффект зависимости и подражания наиболее ресурсному актору. Исходя из последнего утверждения, наиболее проблемным актором ЕС провозглашается Венгрия – как представитель патрональной автократии, в которой приемная семья использует принцип суверенитета для защиты своих «криминальных» действий. Только превращение патрональной сети в конкурентную среду (консолидация демократии в терминах теории транзита) гарантирует установление либеральной демократии вместо имитации формальных западных институтов.

Ссылаясь на работу фрайбургского исследователя Н. Захарова, авторы постулируют факт устойчивости российского режима к колебаниям цен на углеводороды: падение цен только приводит к снижению доходов, но не влияет на институты [Zakharov, 2019]. Авторы используют выводы С. Чейз в сборнике «Жесткие структуры» о глобальной криминальной экосистеме посткоммунистических автократий, почему-то оставляя без внимания материалы упоминаемых офшорных досье о подозрительных операциях акторов демократических режимов [Chayes, 2019]. Говоря о непрозрачности распределения рентных доходов от углеводородов в России, авторы отсылают к работе американских экономистов, опубликованной в оксфордском хэндбуке по российской экономике под редакцией М. Алексеева из университета Блумингтон (Индиана) [Gaddy, Batty, 2013].

Наряду с особенностями режима и страны выделяют особенности политики, которая имеет определенные цели и изменяется конкретными результатами. В автократиях цели политики определяются целями элит, главной из которых является стабильное личное обогащение. Реформы направлены прежде всего на создание и распределение ренты, что подтверждается авторами цитатой академика РАН В. Полтеровича. По сравнению с демократией, «порог терпения» клиентов автократий выше, поскольку здесь отсутствуют механизмы публичной политики. Готовность верховных патронов в патрональных автократиях применять наси-

лие зависит также от культурных традиций страны и расчета баланса выгод и издержек подавления протестов.

Фундаментальный труд Б. Мадьяра, Б. Мадловича представляет значительный интерес для политологов посткоммунистических стран, особенно России и Венгрии, которым авторы уделили особое внимание. «Археология» ссылок показывает источники формирования авторской парадигмы, которая, вероятно, займет достойное место в гибридологии политических режимов, прежде всего за счет четких классификаций и логики изложения. Впечатляет историографический обзор проблематики постсоветских режимов. Вместе с тем, как и любая парадигма, она должна быть не только верифицирована, но и фальсифицирована (в понимании К. Поппера).

Политологи могут и должны, опираясь на передовые теории, исследовать конкретные страновые кейсы, искать отклонения, не объясняемые парадигмой. В конечном счете процесс познания ведет к развитию или смене парадигмы, и можно предположить, что концепции Б. Мадьера, Б. Мадловича поспособствуют креативному исследованию профессиональных политологов, социологов, студентов и размышлению о путях развития России всех, кто интересуется политикой.

S.V. Rastorguev*
Rethinking hybridology:
patronal autocracy in the focus of political analysis (Review)¹

For citation: Rastorguev S.V. Rethinking hybridology: patronal autocracy in the focus of political analysis (Review). *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 338–352.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.15>

* Rastorguev Sergey, Financial university under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: SRastorguev@fa.ru

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

Reference

- Berezhnay I.V., Volchik V.V. *Investigation of the economic evolution of the Institute of power-property*. Moscow: Unity-Dana, 2008, 239 p. (In Russ.)
- Bessonova O.E. *Market and distribution in the Russian matrix: from confrontation to integration*. Moscow: Political encyclopedia, 2015, 149 p. (In Russ.)
- Chayes S. The structure of corruption: a systemic analysis. In: Magyar B. (ed.). *Stubborn structures: reconceptualizing post-communist regimes*. Budapest–New York: Central European university press, 2019, P. 507–530.
- Chernykh L. Profit or politics? Understanding renationalizations in Russia. *Journal of corporate finance*. 2011, Vol. 17, N 5, P. 1237–1253. DOI:
- Dugin A.G. The fourth political theory. Moscow: Palmyra, 2017, 351 p. (In Russ.)
- Gaddy C.G., Ickes Barry W. Russia's dependence on resources. In: Alexeev M., Weber Sh. (eds). *The Oxford handbook of the Russian economy*. Oxford; New York: Oxford university press, 2013, P. 309–340.
- Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge, UK: Polity, 1991, 256 p.
- Hale H. *Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, 558 p.
- Holcombe R.G. *Political capitalism: how economic and political power is made and maintained*. Cambridge: Cambridge university press, 2018, 304 p.
- Hosking G. Patronage and the Russian state. *The Slavonic and East European review*. 2000, Vol. 78, N 2, P. 301–20.
- Judah B. *Fragile Empire: how Russia fell in and out of love with Vladimir Putin*. New Haven; London: Yale university press, 2014, 400 p.
- Katzenstein P.J., Weygandt N. Mapping Eurasia in an open world: how the insularity of Russia's geopolitical and civilizational approaches limits its foreign policies. *Perspectives on politics*. 2017, Vol. 15, N 2, P. 428–442.
- Kornai Ya. *The socialist system. The political economy of communism*. Moscow: Questions of economics, 1992, 672 p.
- Kryshchanovskaya O., White S. Inside the Putin court: a research note. *Europe-Asia studies*. 2005, Vol. 57, N 7, P. 1065–1075.
- Lamberova N., Sonin K. Economic transition and the rise of alternative institutions: political connections in Putin's Russia. *Economics of transition and institutional change*. 2018, Vol. 26, N 4, P. 615–648.
- Ledeneva A. How Russia really works: the informal practices that shaped post-soviet politics and business. New York: Cornell university press, 2006, 288 p.
- Ledeneva A. *Can Russia modernise? Sistema, power networks and informal governance*. Cambridge: Cambridge university press, 2013, 327 p.
- Magyar B. *Stubborn structures: reconceptualizing post-communist regimes*. Budapest–New York: Central European university press, 2019, 675 p.
- Makarenko B.I. Populism and political institutions: a comparative perspective. *Bulletin of public opinion*. 2017, N 1–2 (124), P. 15–28.
- Markus S. *Property, predation, and protection: piranha capitalism in Russia and Ukraine*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, 256 p.

- Markus S. The Atlas That Has Not Shrugged: Why Russia's oligarchs are an unlikely force for change. *Dadalus—Journal of the American academy of arts & sciences*. 2017, Vol. 146, N 2, P. 101–112.
- Minzarari D. Disarming public protests in Russia: transforming public goods into private goods. In: Magyar B. (ed.). *Stubborn structures: reconceptualizing post-communist Regimes*. Budapest–New York: Central European university press, 2019, P. 385–411.
- Naim M. Missing links: what is a GONGO? *Foreign Policy*. 2009, N 160, P. 95–96.
- Offe C. Civil Society and social order: demarcating and combining market, state and community. *European journal of sociology / Archives Européennes de sociologie*. 2000, Vol. 41, N 1, P. 71–94.
- Politkovskaya A. *A Russian diary: a journalist's final account of life, corruption, and death in Putin's Russia*. London: Random house publishing group, 2009, 400 p.
- Petrov N. Putin's neo-nomenklatura system and its evolution. In: Magyar B. (ed.). *Stubborn structures: reconceptualizing post-communist regimes*. Budapest–New York: Central European university press, 2019, P. 179–215.
- Ryabov A. The Institution of power&ownership in the former USSR: origin, diversity of forms, and influence on transformation processes. In: Magyar B. (ed.). *Stubborn structures: reconceptualizing post-communist regimes*. Budapest–New York: Central European university press, 2019, P. 415–35.
- Schelling T.C. Strategies of commitment. In: *Strategies of commitment and other essays*. Cambridge, MA: Harvard university press, 2006, P. 1–26.
- Shlapentokh V., Woods J. *Contemporary Russia as a feudal society: a new perspective on the post-soviet era*. New York: Palgrave Macmillan, 2007, 278 p.
- Vahabi M. The political economy of predation: manhunting and the economics of escape. Cambridge: Cambridge university press, 2015, 428 p.
- Vartanova E. The Russian media model in the context of post-soviet dynamics. In: Hallin D.C., Mancini P. (eds). *Comparing media systems beyond the western world*. Cambridge university press, 2011, P. 119–143.
- Viktorov I. Russia's Network state and reiderstvo practices: the roots to weak property rights protection after the post-communist transition. In: Magyar B. (ed.). *Stubborn structures: reconceptualizing post-communist regimes*. Budapest–New York: Central European university press, 2019, P. 437–459.
- Volkov V. *Violent Entrepreneurs: the use of force in the making of Russian capitalism*. Ithaca: Cornell university press, 2002, 224 p.
- Weber M. *Economy and society: essays on understanding sociology*. In 4 t. m.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016, 448 p. (In Russ.)
- Weems C.F., Costa N.M., Dehon C., Berman S. Paul Tillich's theory of existential anxiety: a preliminary conceptual and empirical examination. *Anxiety, Stress & Coping*. 2004, Vol. 17, N 4, P. 383–399.
- Yakovlev A. The evolution of business: state interaction in Russia: from state capture to business capture? *Europe-Asia studies*. 2006, Vol. 58, N 7, P. 1033–1056.
- Yavlinsky G. *Realeconomik: the hidden cause of the great recession (and how to avert the next one)*. New Haven; London: Yale university press, 2013, 166 p.

Zakharov N. Asymmetric Oil Price Shocks, Tax Revenues, and the Resource Curse. *Economics Letters*, 2019, P. 108–515.

Литература на русском языке

- Бережной И.В., Вольчик В.В. Исследование экономической эволюции института власти-собственности. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 239 с.
- Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 149 с.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2016. – 448 с.
- Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. – М.: Пальмира, 2017. – 351 с.
- Корнац Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. – М.: Вопросы экономики, 2000. – 671 с.
- Макаренко Б.И. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Вестник общественного мнения. – 2017. – № 1–2 (124). – С. 15–28.